

* Экстра была написана Фэйтянем в 2018 году в честь выхода в эфир аудиодрамы «Разрывая облака» Хуай Шан, а также в честь дня рождения Хуай Шан; эта экстра вместе с экстрой У Ду была частью запроса.

В Цзянчжоу закат, алый как кровь, заливал усталый город, озаряя Янцзы, Желтую реку и бескрайние горные цепи. Небо, воды, даже колодцы — все погрузилось в багряное сияние этого кровавого солнца.

Во внутреннем дворике своей резиденции Лан Цзюнься аккуратно поместил письмо в ножны Цинфэнцзяня и принялся собирать вещи, что сопровождали его все эти годы: деревянную флейту, нефритовую табличку правящего рода Улоху и засушенную бабочку-павлиний глаз, сложенную между страницами книги.

Среди вещей лежал пожелтевший сверток. Внутри — горсть семян. Если поднести его к уху и встряхнуть, раздавался легкий шелест. Это были семена мака-самосейки, купленные им для Дуань Лина в последний день перед отъездом из Шанцзина.

Лан Цзюнься до сих пор помнил тот весенний день. Солнце ласкало землю, когда он, как обычно, отправился на рынок. В Шанцзине вовсю цвели персиковые деревья, а торговцы с юга привезли диковинные товары — среди них и оказался тот сверток.

Он бережно завернул семена в книгу, чтобы отнести домой Дуань Лину, надеясь услышать его радостный возглас и увидеть сияющую улыбку. При мысли об этой улыбке его собственные губы невольно растягивались в улыбке.

Но пышное цветение персиковых деревьев вызывало в нем тревогу. Всю жизнь он видел, как красота расцветает на его пути, но никогда — ради него. Когда распускались последние цветы туми*, они безмолвно предрекали дни грядущего одиночества. Ни роскошь весенних персиков, ни ковер из увядающих лепестков не принадлежали ему. Лишь ветер, гуляющий по пустому двору, был его вечным спутником.

* 桃 花 Древнее название цветка малины розолистной.

Когда он вернулся домой после полудня и увидел во дворе* высокую фигуру, ждавшую его, то понял: предчувствия, мучившие его все эти годы, не обманули. Настоящий хозяин дома наконец вернулся, чтобы забрать то, что Лан Цзюнься похитил за эти годы. Сопротивление было бессмысленным.

* В первой книге Лан Цзюнься не спал всю ночь до прихода Ли Цзяньхуна, а просто сидел возле комнаты Дуань Лина. Очевидно, приход Ли Цзяньхуна не был неожиданностью.

Все здесь принадлежало этому человеку. Сам же он был лишь вором, хранившим чужое сокровище, но мечтавшим присвоить его себе. Они оба знали это, и в моменты безмолвного понимания Лан Цзюнься ощущал призрачный стыд, но этот стыд спустя мгновение исчезал. Он

тактично понял, что пора было уходить.

Лан Цзюнься закинул за спину Цинфэнцзянь и захлопнул деревянную шкатулку. В памяти всплыл тот давний вечер, когда он закрывал дверь, а за спиной раздавался взволнованный голос Дуань Лина.

Как и в тот беспокойный вечер, в последний день своей жизни он закрыл шкатулку, взвалил меч на плечо и вышел из комнаты. Но на этот раз он знал: никто не окликнет его вслед —

— Лан Цзюнься! Куда ты?!

Во дворе лежала маленькая нефритовая шкатулка с открытой крышкой. Внутри была единственная пилюля.

Лан Цзюнься долго молчал, а затем спрятал пилюлю за пазуху. Он взобрался на стену, полы его плаща развевались на ветру, и в сумерках он направился к императорскому дворцу.

В ночи взмыли фонари. Он сжимал в пальцах пилюлю, дрожа, но так и не проглотил ее.

— Лан Цзюнься...

Голос Дуань Лина не умолкал в его ушах. Лан Цзюнься стоял на крыше Зала Высшей Гармонии, вглядываясь в мерцающую ленту Серебряной реки, в то время как У Ду во главе войска пробивался в город.

Он ждал на крыше бесконечно долго, пока Хэлянь Бо и Бату, защищая Дуань Лина, не промчались через императорский сад.

Юноши повзрослели. Даже Дуань Лин, достигший совершеннолетия*, шагал твердо, без тени страха. Лишь изредка он оглядывался, и в его глазах мелькала растерянность.

* По сюжету Дуань Лину на тот момент было 17 лет, так что до его совершеннолетия осталось 3 года. Эта сцена также произошла не совсем так — Лан Цзюнься защищал Дуань Лина, пока У Ду сражался за город.

Лязг оружия, боевые крики, брызги крови — самая долгая ночь его жизни подошла к концу, и завеса тьмы, что давала ему укрытие, медленно рассеялась.

В тронном зале воцарилась гробовая тишина.

— Улохоу Му.

Лан Цзюнься наконец проглотил пилюлю и спокойно вышел из ряда придворных, остановившись в центре зала. Он поднял взгляд на Дуань Лина, и в его глазах мелькнула легкая улыбка. Утреннее солнце озарило лицо Дуань Лина — точно так же, как много лет назад, в ту снежную ночь, когда Лан Цзюнься распахнул дверь дровяного сарая и свет фонаря выхватил из тьмы его детские черты.

С легкой усмешкой в глазах он склонился в поклоне, опустившись на колени, и взглянул на Дуань Лина. Глаза Дуань Лина наполнились слезами.

Он знал: Дуань Лин хочет его спасти.

— Я пытался убить наследного принца... — громко произнес Лан Цзюнься. В памяти всплыл тот день, когда Дуань Лин, проглотив пилюлю, умолял его: «Лан Цзюнься, у меня болит живот...»

Прости, Дуань Лин, что заставил тебя столько выстрадать, — прошептал в душе Лан Цзюнься. Сознание постепенно погружалось в туман, и он знал, что Дуань Лин сорвется с трона, У Ду бросится его обнимать, а под презрительными взглядами сановников и Ли Яньцю он будет рыдать и кричать, словно все тот же испуганный ребенок.

И тогда он закрыл глаза. Голоса вокруг затихали, и последним эхом в сознании остался крик: «Спаси его!»

Крышка гроба со скрипом отодвинулась. Стражи в черных доспехах подняли фонари, и в крошечной тьме Лан Цзюнься проснулся, ослепленный резким светом.

На миг в нем вспыхнула безумная надежда: что, если человек с фонарем, разбудивший его в траурном зале, — Дуань Лин?

Но холодный голос Ли Яньцю оборвал иллюзии:

— Исчезни. Чтобы я больше никогда тебя не видел.

Он с трудом поднялся, и Ли Яньцю добавил:

— Оставь Цинфэнцзянь. Долг между тобой и Великой Чэнь погашен. С этого момента наши пути расходятся.

Лан Цзюнься испустил обжигающий вдох, наклонившись, положил меч в гроб, а затем выпрямился и встретился взглядом с Ли Яньцю, но тот лишь молча ждал.

Лан Цзюнься прошел мимо Ли Яньцю, покинул погребальный зал и замедлил шаг, пересекая императорский сад за задним павильоном. От покоев Дуань Лина его отделяла лишь одна стена.

— Где Его Высочество?

— Только что был здесь... Исчез в мгновение ока...

Он услышал тревожный шепот стражников.

Лан Цзюнься замер и терпеливо ждал за стеной духа. Вскоре он увидел Дуань Лина в белоснежном халате, идущего по крытой галерее. Тот двигался сквозь аромат османтуса и кружащиеся лепестки, под серебристым лунным светом покидая свои покои и направляясь к погребальному залу.

Ли Яньцю ждал его за поворотом коридора, и Дуань Лин едва не столкнулся с дядей.

— Возвращайся к себе и отдохни.

— Мне приснился сон... — пробормотал Дуань Лин. — Будто Лан Цзюнься очнулся...

— Он мертв, — твердо произнес Ли Яньцю. — Иди спать, Жо-эр.

Дуань Лин, застыв, обернулся и посмотрел в сторону императорских садов. В тот миг Лан Цзюнься, прислонившись к низкой стене, поднес деревянную флейту к губам, но через мгновение опустил ее. Когда же он вышел из-за стены, галерея была уже пуста.

В начале зимы солнце светило ярко, окутывая землю теплом.

— Он уже знает.

— Знает что?

— Знает, что ты жив. У Ду сказал ему.

На втором этаже ресторана в Цзянчжоу Яо Чжэн обратилась к Лан Цзюнься:

— Скорее уходи. Если мой дядя снова найдет тебя, никто не сможет тебя спасти.

Лан Цзюнься оставил на столе записку и сложил руки в поклоне:

— До новых встреч.

Яо Чжэн проводила его взглядом, а затем крикнула со второго этажа:

— Эй!

Лан Цзюнься поднял голову.

— Ты изменился, — сказала Яо Чжэн.

Он не ответил. Встречая свет солнца в начале зимы, уголки его губ дрогнули в легкой улыбке. Он забрал лошадь, оставленную Яо Чжэн, покинул Цзянчжоу и направился по северной дороге. На почтовой станции он ждал, пока не пройдет кортеж послов — Бату, Хэлянь Бо, Тендзин и другие. Не приближаясь и не здороваясь, он наблюдал за ними издалека.

— Разве это не Улохоу Му? — Хэлянь Бо толкнул Бату, и они оба устремили взгляды на противоположный берег ручья. Но Лан Цзюнься уже развернул коня и скрылся из виду.

Зимой все живое увядало. Он вел лошадь по дороге, еще не скованной снегом, и поднялся на паром, пересекающий Желтую реку. Покинув Жуян, он двинулся на север. С тех пор, как Великая Чэнь заключила союз с северными племенами, провинция Хэбэй расцвела. Многие возвращались на родные земли, и толпы переселенцев устремлялись на север.

В тот день у переправы царила суета. Ледяной ветер выл, а на берегу теснились семьи с дорожными узелками, ожидая своей очереди. Лан Цзюнься ступил на палубу и заметил мальчика, сидевшего у борта. Лицо ребенка пылало от холода, а в руке он сжимал замерзшую грушу, одиноко уставившись на Лан Цзюнься. Тот купил два кэти байцзю, сел с краю и стал разглядывать мальчика.

— Как тебя зовут? — спросил Лан Цзюнься.

У бортов судна свистел ветер, и в его реве пронеслось эхо голоса Дуань Лина: «Меня зовут Дуань Лин... А моего отца — Дуань Шэн...»

Мальчик что-то пробормотал, но слова утонули в шуме. Видимо, он потерялся. Лан Цзюнься подвинулся, освобождая место у борта.

— Садись, — сказал он.

Мальчик подвинулся. Лан Цзюнься снял теплый плащ и укутал его. Ребенок смотрел, как он пьет вино.

— Ты еще маленький, тебе нельзя. Подрастешь — тогда можно, — сказал Лан Цзюнься.

— Я и не буду, — ответил мальчик. — Просто смотрю.

Лан Цзюнься устремил взгляд на дальний берег:

— Где твои родители?

Мальчик, видимо, был смышленным:

— Я потерялся, не знаю, где отец. А ты куда идешь?

— В горы Сянбэй, — ответил Лан Цзюнься. — Пойдешь со мной?

— Там интересно? — сразу спросил ребенок.

— Нет, — равнодушно сказал Лан Цзюнься. — Там холодно. — Он бросил на мальчика быстрый взгляд и добавил: — Я пошутил. Твои родители ждут тебя. Запомни: никогда не соглашайся идти с первым встречным. Иначе... неизвестно, куда заведет тебя дорога.

— Я потерялся давно, — сказал мальчик. — Все говорят, что я уже не смогу его найти.

— Как зовут твоего отца? — небрежно спросил Лан Цзюнься. — Я помогу тебе его разыскать.

Сойдя с парома, Лан Цзюнься привел ребенка в порт и купил ему миску каши Лаба. Мальчик, прижимая миску к груди, жадно ел, а Лан Цзюнься опустился на колени и теплой тканью вытер ему лицо и руки. Они провели несколько дней в гостинице, пока Лан Цзюнься платил лодочникам за помощь в поисках. Лодочники, знавшие все слухи, меньше чем за два дня выяснили: отец ребенка уже спешил из Жуяна.

Через несколько дней отец прибыл. Лан Цзюнься отчитал его за беспечность и сел на коня. Мальчик бросился вдогонку:

— Ты уже уезжаешь? — крикнул он. — Кто ты такой?

— У меня нет имени, — ответил Лан Цзюнься. — Забудь, что видел меня. Пошел!

«Улохоу Му, куда мы направляемся?»

«В горы Сянбэй. Пойдешь со мной?»

Ветер донес голоса многолетней давности, постепенно растворяясь вдали. Долины по обеим сторонам дороги мелькали, словно картины из театра теней, скользя по полотну воспоминаний.

«Лан Цзюнься, куда ты?»

«В горы Сянбэй. Пойдешь со мной?»

«Чтобы повидаться с моим отцом?»

«Я просто пошутил. Мы не поедem в горы Сянбэй, не верь мне на слово. Я отвезу тебя в Шанцзин... И буду с тобой, пока твой отец не вернется...»

Снег, словно гусиный пух, падал вниз, собираясь в одеяло, а бледно-зеленые вершины горных массивов казались нарисованными чернилами — будто мазок на белом свитке. Конь мчался вдаль, растворяясь в этом пейзаже, словно в чернильном рисунке.

В горах Сянбэй наступила весна, стаи птиц пересекали хребты, таяли лед и снег.

Лан Цзюнься отремонтировал горное святилище. Закатав рукава боевых одежд, он стоял на лестнице: в левой руке держал палитру, в правой — кисть, смешивая краски, привезенные купцами из Сиюй. Киноварью он рисовал зрачки, а лазурью и золотом — узоры священного зверя. Божество Белого Тигра оживало на стене.

На его спине восседал начертанный тонкими линиями сын духа созвездия в расшитом цветами одеянии. Его лицо, озаренное легкой улыбкой, словно вода, дышало спокойствием. Он был обнажен до пояса, сидя в позе полулотоса — одна рука лениво покоилась на колене, а в другой лежала нефритовая дуга*.

* Ли Цзяньхун, божественная версия. В 2015 году он ненадолго появился в спецвыпуске «Праздника середины осени».

Лан Цзюнься работал терпеливо, день за днем добавляя на фреску новые элементы.

Соплеменники приходили в храм, приносили еду и наблюдали, как он выводит изящные линии, оживляя их летящими лепестками всех цветов радуги.

— Есть вести с юга? — спросил Лан Цзюнься, не отрываясь от росписи.

Странствующие купцы принесли слухи из Цзянчжоу — все спокойно, мир процветает.

Завершив дневную работу над росписью, он вымыл руки и направился за храм. Опершись на садовую мотыгу, Лан Цзюнься взрыхлял мягкую землю. Когда весеннее солнце залило все вокруг ярким светом, он опустился на колени перед цветущим полем и закопал в почву ту самую бабочку-павлиний глаз.

Когда-то в Шанцзине Лан Цзюнься принес бабочку Дуань Лину, и тот, приняв ее, слегка помрачнел, но промолчал.

— Что такое? — спросил Лан Цзюнься, заметив малейшее изменение в выражении его лица.

Дуань Лин улыбнулся, беря у него бабочку, и Лан Цзюнься мгновенно понял: грусть мальчика вызвана угасшей жизнью в его ладони. Убийца, давно свыкшийся с мимолетностью существования, в тот весенний день неожиданно столкнулся с безмолвным осуждением Дуань Лина.

С тех пор он стал осторожнее и осознал множество врожденных следов, высеченных в его судьбе.

— Так и должно быть, — пробормотал Лан Цзюнься себе под нос.

Похоронив бабочку, он посадил первое семя.

Три года спустя маки расцвели пышным ковром на склонах священных гор Сянбэй, приветствуя первые лучи весеннего солнца.*

* Между отъездом Лан Цзюнься из Цзянчжоу и войной прошло всего два года.

С юга пришли вести: Борджигин повел войска на юг, а Великая Чэнь собрала двести тысяч солдат, чтобы противостоять южной кампании Юань.

Но фреска Лан Цзюнься все еще не была завершена.

Белый Тигр уже был закончен, а сын духа созвездия с нежной улыбкой, словно озаренный небесным светом, смотрел на него с тихим ожиданием. Лишь угол развевающегося одеяния и

пояс оставались нераскрашенными. Священный узор на краю одежды был лишь намечен тонкими линиями.

Лан Цзюнься опустился на колени перед фреской и открыл деревянную шкатулку. Бабочка-павлиний глаз, некогда хранившаяся внутри, давно превратилась в прах, а семена мака-самосейки уже проросли в этой земле. В шкатулке осталась лишь старая деревянная флейта.

Он вынул ее, и шкатулка окончательно опустела.

Склонившись перед росписью, он тихо заиграл мелодию «Радость встречи».

Когда последние ноты затихли, Лан Цзюнься поднял взгляд, встретившись глазами с сыном духа созвездия на фреске.

— Я ухожу, — произнес он с легкой улыбкой, а затем, будто отвечая на немой вопрос, добавил:
— Я приду.

С этими словами он, спрятав флейту, положил в шкатулку засушенные за три года цветы мака и поставил ее перед незавершенной фреской как подношение. Поднявшись, он, не оглядываясь, ушел.

С деревьев цветы облетели, — все алые краски весны — до срока легко сметены. Ну что же поделаешь, прежде — безжалостный дождь поутру, потом — и ветра ввечеру.*

* Радость встречи, Ли Юй. Перевод: Алена Алексеева.

Следующей весной ослепительное солнце озарило горные хребты. В святилище фреска так и осталась незавершенной — на одеянии сына духа созвездия не хватало последнего из четырех священных узоров, и сколько бы времени ни прошло, никто не вернулся, чтобы заполнить изящные линии яркими красками.

Весенний ветер поднял в танце мириады цветов, вдохнув жизнь в ясное небо и бескрайнюю землю. Он коснулся увядших в шкатулке лепестков, и миг тысячи цветов ожили, будто обретая второе дыхание — алые, лиловые, желтые. Они пронеслись перед фреской, превратившись в—

— долгий неземной сон.

<http://bllate.org/book/15657/1400686>